

Андрей Белянин

Охота на гусара

**«Дал по морде — и в кусты!» — что может
быть милее сердцу гусара и патриота?!**

Андрей Белянин

Охота на гусара

«Автор»

2004

Белянин А. О.

Охота на гусара / А. О. Белянин — «Автор», 2004

На войне, как на войне... Тем более на партизанской! Тут уж, господа мусью, без церемоний: извольте-ка, незваные гости, вон из российских пределов, а ускорение на Смоленской столбовой придаст вам командир летучих гусар Денис Давыдов!!! Ну а если что не так, «экскузе муа!» просим, – попробуйте поймать героя, пока он и сам не оказался в душных объятиях какой-нибудь ведьмы из Блэр, или на жертвенном столе у... скопцов, или... Впрочем, удивительная цепь таинственных и мистических событий не без помощи их главного участника подробно и весело изложена на страницах нового романа Андрея Белянина.

© Белянин А. О., 2004

© Автор, 2004

Андрей Белянин

Охота на гусара

Нападки будут, это в порядке вещей...

Денис Давыдов

...Мысль о скифской войне крепко засела в моей дурной гусарской голове, так что даже полковой лекарь не смог бы вытащить её клещами или выманить клистирной трубкой. Отважные партизанские действия позади ошарашенного врага! Поверьте, любой француз, даже самый мужественный, дойдёт до полной конфузии, если почувствует у себя в тылу казака с пикой! Быть песчинкой в часах, занозой под ногтем, мозолью на ахиллесовой пяте наполеоновской орды. Беспреданно терзать неприятеля, отбивать пленных, захватывать обозы, полностью лишая великую армию провианта и фуража, действуя малыми, манёвренными отрядами против больших сил. Излюбленная русской душе тактика партизанского налёта: «Дал по морде – и в кусты!» – что может быть милее сердцу гусара и патриота?!

А посему, пять лет прослужив на побегушках у князя Багратиона, я торжественно решил оставить непьющую должность адъютанта и принести Отечеству своему максимальную пользу. Чего, по моему разумению, было никак невозможно сделать в рядах регулярной армии. Восьмого апреля я был переименован в подполковника с назначением в Ахтырский гусарский полк. Только-только накинул новенький коричневый ментик, как в мае мы выступили к Брест-Литовскому, а уже в июне началось печальное отступление! Видит бог, не я тому виной... Ибо храбро участвовал в сражениях под Миром, Романовом, Дашковкой, до самой Гжати. Находя позорной и скучной сию ретираду (а чего особо весёлого пятиться в седле вплоть до самой Москвы и даже не галопом?!), быстренько написал письмецо князю, умоляя отпустить меня домой попартизанить.

Он, как человек непьющий, имел рассудок и мурыжил меня аж до середины августа в надежде неизвестно на что... Однако же при очередной личной встрече принял ласково, слушал долго, не перебивал, со всем соглашался и всё время кивал, что навело меня на подозрительные мысли... Уж больно два плечистых денщика в сенях напоминали санитаров. Я прикинул расстояние до окна и почти решил дорого продать свою свободу, хотя отдых на кисловодских водах весьма полезен для здоровья гусара, но – всё разрешилось к обоюдному удовлетворению. Его сиятельство устало пообещал сегодня же доложить о моих прожектах светлейшему. Тот был несколько занят, в связи с тем что стоял у Бородина, однако же время нашёл и в целом дал разрешение. То есть план партизанских действий одобрил, но лишь с тем, чтобы я лично взялся в этом участвовать. Прижав меня к стенке, князь в присутствии адъютантов (и при их посильном участии!) получил моё полное согласие и отписал в распоряжение пятьдесят гусар и сто пятьдесят казаков.

– Вы издеваетесь, да?! Там французов больше миллиона по деревням шастает! Воля ваша, Пётр Иванович, а только расшибут нас при первой же попытке отбить у них полевую кухню с супом!

– Нычего нэ знаю, – ехидно отвечал Багратион, потирая ручки, – Мыхайла Илларионовыч больше нэ даёт!

– Ну хоть пять тысяч!

– Э, батано, я сам бы дал тры!

– Давайте три... – грустно согласился я, – и ещё казаков побольше, и артиллерии пушек пять, сапёров опять же, фельдшера одного. Потом для плезуру – коновала, цирюльника и маркитантку посимпатичнее...

– Ва-а-ах! Смэлый ты человек, Дэнис Васылыч, уважаю. – Князь тепло улыбнулся мне на прощание, делая знак подпихнуть меня к дверям. – Но фэльдмаршал сказал – пятьдесят на сто пятьдесят, надобно слушаться.

– Две тысячи! Одна! Пятьсот! Триста и без цирюльника, сами обкорнаемся... – безуспешно пытался взывать я, пока меня со всяческим пиитетом выставляли вон. Моя пегая лошадь позволила себе неотцензированное ржание, погрозив скотине плетью, я подытожил приятные моменты нашей содержательнейшей беседы.

Итак, мне пошли навстречу, милостиво соизволив разрешить пинать войска Наполеона и в хвост и в гриву. Дали под начало гораздо больше людей, чем я предполагал (мы-то с парнями думали, что удерём в леса вчетвером...). А уж сев в седло и отъехав на приличное расстояние, я извлёк из-за пазухи успешно свистнутую карту Смоленской губернии (ещё несколько минут назад принадлежавшую Багратиону!), и душа моя расправила крылья. Ах, хмельная молодость – время великих планов, безрассудных свершений и поразительной лёгкости в голове... Всё представлялось сказочным:

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами.
Днём – рубиться молодцами,
Вечерком – горилку пить!

Ночь застала меня близ полков генерала Коновницына, который прелюбезно согласился выделить мне место на лавочке возле избы, в коей ночевал сам. Брехливому псу по соседству я при свидетелях пообещал надеть его же будку на голову. Прикинув сие, собачий сын резко заткнулся и не беспокоил меня вплоть до самого утра.

Хороший сон – первейшее качество для будущего партизана! Я спал, не пошевелив и усом, даже когда через меня на всём скаку перемахивали конные нарочные с донесениями и приказами по завтрашнему сражению. И вот в ту ночь, перед Бородином, привиделся мне мой знаменитый прапрапрадед, Великий Могол – Чингисхан!

– Молчи и не перебивай, ибо слово моё дороже строк Ясы и обращено оно к тебе, о мой крепкоголовый прапрапраправнук! – даже не поздоровавшись, начал он.

Предок был одет в самое простое платье, и лишь оружие его, обильно усыпанное драгоценностями, неумытое лицо да жёлтые глаза рыси выдавали в нём легендарного завоевателя. Я присел на кошму в его золотой юрте, безрезультатно пытаюсь скрючить ноги в парадных ботфортах.

– Знай же, потомок мой, ты избран Судьбой для спасения Отечества от величайшего Зла, что подобно бешеному тигру вторглось в твой дом. Имя чудовищу этому – Наполеон Буонапартий! Язык его – жало змеиное, очи – стрелы огненные, руки – клещи каменные, зубы – пилы терзающие, ноги – столпы попирающие...

– Э-э... дедушка, вообще-то мы с ним встречались разок, – дерзнул вставить я. – Император Франции невысок, толстоват, пузом обилен и в целом ну никак не производит впечатление бича божьего.

– Бич божий – это я! – ревниво взревел горячий старик, замахиваясь ногайской плетью. – Не учи старших, о непочтительный отпрыск!

– Молчу, молчу, молчу. – Я сделал жест, словно застёгивая рот на пуговку.

– Сколько времени я вбивал тебе мысль о скифской войне, а теперь ты и слушать не хочешь советов убелённого сединами воителя?! Тебе уготована честь послужить оружием провидения... Да будешь ты недоступен и увёртлив, хитёр и неуловим, смел и неподкупен, а тень моего меча оградит твою спину в походах!

– Спасибо, – осторожно поблагодарил я, всё ещё косясь на нагайку (дотянется или нет?). – И что же конкретного я, по-вашему, должен сделать?

– Воюй!

– Ой, да можно подумать, я сюда спать пришёл?!

– В минуты скорби и судьбоносных решений мой дух будет приходить к тебе. Не будет меня, кто-нибудь другой зайдёт, всё уважаемые люди, я договорился... Выслушай их и прими верное решение.

– Слушаюсь, дед мой!

– Вот то-то, – добродушно ухмыльнулся легендарный предок, поелозил на коврике и, пряча взгляд, как бы между прочим спросил: – А вот стишки такие, вроде: «Блаженной памяти мой предок Чингисхан, грабитель, озорник, с аршинными усами, на ухарском коне, как вихрь перед громами, в блестящем панцире влетал во вражий стан и мощно рассекал татарскою рукою всё, что противилось могущему герою!» точно ты сочинил?

– Больше не буду... – виновато зажмурился я.

– Да-а... рассекал я, бывало, по юности... такой озорник был, хэ-хэ...

Видимо, он как раз хотел рассказать мне что-то очень поучительное, но не успел – меня бессовестно растолкали. Яркий сон оборвался предложением проваливать отсель, потому как у них тут вообще-то война! Эх, знать бы тогда, сколько таких снов мне ещё предстоит пересмотреть, перевидеть...

Оставя арьергард Коновницына, я удачно избежал начинающегося сражения при Бородине и, получа под начало пятьдесят гусар и восемьдесят казаков (ещё семьдесят мне наглým образом недодали!!!), двинулся через Сивково в Егорьевское, оттуда на Медынь и, минуя Назарово, напрямиком в Скугорево. Там и был избран нами первый притон.

Первоначально я думал, что мы вполне способны резким выпрыгиванием из кустов напугать двух-трёх французских мародёров, дабы законно подобрать и подкрепиться всем тем, что они только что отняли у наших крестьян. В конце концов, мы на своей земле! Вокруг Россия-матушка! И кто запретит голодному гусару съесть маленькую курочку, отважно отбитую у безбожного неприятеля?! Однако индейка-судьба внесла свои коррективы...

Войска Наполеона продвигались к столице. Общая бедственность нашего положения становилась особенно ясной по мере того, как я понимал свою оторванность от русской армии. Светлейший, дав леца французу под Бородином, тем не менее отступил, бросая мой отряд на произвол судьбы. Теперь по дорогам хозяйничали мощные банды фуражиров врага числом до трёхсот штыков, коих мы справедливо пытались избегать. Увы, не всегда успешно...

Если французов было больше, то мы не ввязывались в открытый бой, а храбро обкидывали неприятеля шишками и строили ему рожи из-за деревьев. Бонапартистов это страшно злило, обычно они обиженно бросали обоз с награбленным и бежали жаловаться бригадным генералам на недостойные методы ведения войны. Ну а если меньше...

Я помню, первый французский разъезд мои молодцы взяли без моей помощи. Просто окружили всех четверых и отвлекали художественным свистом – пока неприятель соображал, что бы это могло значить, казаки под шумок увели всю телегу. Никто ничего толком не понял, потому и обошлось без кровопролития и даже с рукопожатием...

Мы тогда лихо разжились колбасой и трофейным коньяком, после чего три дня гудели, не выходя на работу. Но служба есть служба, а служение Отечеству – дело святое, манкировать коим почитаю недостойным русского офицера! Наше первое, воистину геройское, сражение произошло у речки Вори, близ села Токарева. Собственно, мы всего лишь шли мимо и остановились без всяких затей, просто водички попить, как вдруг деревенские начали в нас бросаться топорами.

– Ки э ля?! – возмущённо спросил я, по аристократичному воспитанию надеясь удивить крестьян моим безупречным произношением. – Жё ма пель – Дени Давидовф! Э ву?!

Топоров больше не было, видимо, кончились, но едва я направил коня к воротам, как из-за забора вылетел кривой жужжащий серп! Сияющий полукруг отточенной стали единым махом срезал беленький султан с моего кивера! Я чуть не подавился своим французским и уже был готов разделить недоумение прочих гусар, когда хорунжий Талалаев намекнул, что, «мабуть, они форму не просекають?!». Чушь несусветная! Как можно в трезвом уме и здравой памяти спутать коричневые доломаны Ахтырского полка с малиново-серыми ментиками конфланцев наполеоновской кавалерии?! Эдак сиволапые ещё скажут вам, что навскидку не отличат в тумане инфантерию противника от нашей пехоты... Смех!

Ради устранения недоразумений, а также по причине приближения времени к ужину я сам в сопровождении вахмистра Бедряги и поручика Макарова пошёл в переговоры. Кои, должен признать, едва не закончились весьма плачевно... Мужики, повысыпав с дреколем из-за изб, мигом начистили рыло моим спутникам, а меня самого уже почти запихали в рогожу вместе с лошадьёю, когда само провидение подсказало мне нужные слова, сызмальства близкие и внятные всякому русскому человеку:

– Хамы! Холопы!! Быдло!!! Запорю! В Сибири сгною, мать вашу...

– Добрый барин, – уважительно переглянулись крестьяне, возвращая мне саблю, сапоги, чикчиры, носки и кивер. Тонкие лайковые перчатки кто-то успел промыслить...

Ну да и бог бы с ними! Главное – понимание и братская любовь друг к другу. Вы не поверите, как счастливы были бедные сельчане узнать, что мы не бежали от врагов, что остались их защищать, что Россия жива и у государя длинные руки. Последнее тоже было немаловажным, ибо находились малодушные личности, прельщённые слухами, дескать: «Буонапартий несёт всем вольную, и крепостных боле не будет»... Надо ли говорить, что то была ложь, гнусная и бесстыдная, и большинство рассудочного народа правильно разбиралось в сложившейся ситуации. Армия близко, барин вернётся, оброк платить надо, а шалить по усадьбам – ни-ни!

Крестьяне, окончательно уверовав в то, что мы и впрямь русские, тащили хлеб, пиво и пироги. Я же, вальяжно развалившись на соломе, милостиво беседовал со старостами.

– А что, мужички, отчего вы полагали нас французами?

– Да вишь, родимый, – тыкали они в мой ментик, – шибко на одёжу ихнюю схожо будет.

– Право, конфуз какой... Но знайте – ныне нет вседневных параллельных позиций! Лучший способ защитить предмет неприятельского стремления состоит не в параллельном, а в перпендикулярном или, по крайней мере, в косвенном положении к сему предмету, – начал было я, но смолк в изумлении, видя их непроходимую несознательность.

– Ага, ага... – неуверенно согласились они. – Урожай богатый, а тока свёкла всё одно не та, и коров от клевера пучит, хотя овёс бы сеять надо.

– Вы о чём это?

– А ты о чём, родимый?

– Да разве ж я с вами не русским языком разговариваю?

В ответ они так ревностно замотали головами, что я засомневался. Надо бы записать в книжечку, мол, на народной войне должно не только говорить языком черни, но и приноравливаться к ней в обычаях и одежде. Я твёрдо решил впредь ходить в мужицком кафтане, отпустив бороду, пахнуть чесноком и луком, мыться в бане только по субботам и стричь волосы под горшок...

Французы меж тем обнаглели настолько, что шайки их мародёров вдвое-втрое превышали наш отряд, причём негодяи грабили именно те места, кои находились под нашей охраной! Несколько раз нас таки вынудили принимать бой... Особенно памятливым выдалось сражение в окрестностях Вязьмы, куда мы успешно попали благодаря неверному чтению карты в темноте, на ходу, вверх ногами.

Смеркалось... В упоительности российских вечеров всегда есть что-то притягательное для мятущейся души одинокого гусара. Возвышающее пение петухов, далёкий крик козо-

доя с чьей-то крыши, молчаливый месяц, и где-то далеко горит-горит моя звезда... Дозорные казаки донесли, что впереди небольшое село, явно не тронутое неприятелем, и заглянуть не грех, так как ночевать всё равно негде. Однако прежде, чем мы подошли к селению, всё резко переменялось.

– Французы!

– Сколько их? – гордо спросил я, доставая из ножен свою кабардинскую шашку.

– Да, поди, сотни две! – ответил молоденький казачок.

– Ночуем в лесу! – Я небрежно швырнул клинок обратно – нет большой славы в том, чтоб побить врага равного. Вот ежели бы на каждого нашего да по десять французов...

– А и врёт же он, ваше благородие, – вмешался хорунжий, – совсем со страху голову потерял – маленький разъезд, не больше двух дюжин сабель.

– Не след воину государеву от страха голову терять, – наставительно поддержал я, вновь выхватывая шашку. – А ну, за мной, донцы-молодцы!

Быстрее молнии вышли мы в тыл мародёрам, пинками и пиками принудив последних к позорному бегству. Эх, бесшабашная русская удаль! Ветер, поющий в ушах, грозно вздымающаяся грива верного коня и умиленные спины отступающего врага. Как только смели они прийти на землю нашу, осквернять храмы, жечь дома, сидеть в наших комнатах и вести в кабинеты наших девушек...

– Французы-ы!

– Бей их в песи! Круши в хузары! – безмятежно откликнулся я, ибо истинный смысл сказанного дошёл не сразу.

– Дык сзади же!

Пресвятая Богородица-а... И впрямь сзади нас старательно догоняли французские драгуны. Разумеется, в честном бою партикулярным оружием вёрткий гусар всегда одолеет неуклюжего драгуна, но мы никак не могли поворотиться и дать бой! Во-первых, драгун было мало не целый полк, а во-вторых, на шум сражения обернулись бы и те, кого мы гнали прочь. Наш маленький отряд рисковал быть зажатым между двух огней!

А посему я принял тактическое отступление, объединив оное с решительным наступлением, чем окончательно ввёл в заблуждение врага. Заспанные жители деревеньки у околицы в изумлении смотрели, как мы с гиканьем и свистом гонялись друг за другом, наматывая круги, как баба пряжу. Впереди фуражиры-мародёры, следом я с гусарами и казаками, а уж за нами тяжеловесные драгуны на костистых лошадях. Шум, веселье, суматоха!

Однако ж на пятом, не то шестом круге к неприятелю подоспела подмога. Видимо, драгуны шли не одни, и краем глаза я вовремя увидел разворачивающую пушки бригаду конной артиллерии. Восемь стволов только и ждали своего часа, а суровые канониры с горящими фитилями напоминали грозных ангелов войны. Предвидя неминуемое столкновение, я приказал «рассыпаться» и, догнав фуражиров, резко прыснуть в стороны!

Мой план имел совершеннейший успех, сам Суворов мог бы гордиться таким манёвром. Как только французы скрылись за спасительной артиллерией, мои молодцы, как мышки, метнулись кто куда, открывая торопливому залпу противника стройные драгунские ряды! Пушечные ядра вздыбили землю под самыми копытами их лошадей. Гром, пальба, ужас – и смех и грех... Непотребную и неповторяемую ругань наполеоновских солдат я воспроизвести не берусь... Даже наши серые крестьяне возмущённо плюнули, покраснели и, неодобрительно покачивая бородами, отправились спать.

Конечно, война – не место для реверансов, но зачем же так ругаться при людях?! Мало ли кого накрыла собственная артиллерия, а ежели бы тут были женщины и дети? Русский гусар никогда себе такого не позволит! Я вот лично слышал, как именно выразился незабвенный Бурцов, когда его же кобыла наступила ему прямо на начищенный сапог... тоже эпитеты, зна-

ете ли!.. Но так он ведь сообщил это исключительно ей одной на ухо... Общественная нравственность – не пострадала! Правда, лошадь окосела, кажется...

В ту ночь мы спали в лесу, не рассёдывая коней своих, прямо на сырой земле, завернувшись в бурки и плащи. Без одеял, без подушек, без костров, намотав поводья на руку. Из хитрой предусмотрительности мы сначала зажгли огни в одном месте, а сами тут же перебежали на другое. Запалили костёр и там, а перейдя уже на третье, и повалились без огня. Много леса не сгорело, благо, как помнится, осень была сырая. Так и поступали десять ночей кряду, опасаясь, что неприятель отыщет наш притон. Но глупые французы ночью по лесам не шарили, боясь простуды, так что, божьими молитвами, никто нас не искал. Никому-то мы, бедные, не были нужны в этой глухой чащобе...

* * *

В начале сентября близ села Токарева разогнали мы шайку мародёров, нагло прикрывавшую целых две телеги подарков из самого Парижа, предназначенных лично императору. Как вы понимаете, сердца наши кипели возмущением при одной мысли о том, что бессовестные французы обосновываются на земле русской так, что уж и посылки с сувенирами себе возят. Того гляди, заведут регулярную почту, приведут в порядок дороги, начнут строить школы и больницы, а там и подавно дадут беспашпортный въезд в какую-нибудь Европу. Нет, господа хорошие, благодарим покорно! Мы – Россия, на всё свой путь и своя судьба. Не след нас общим аршином мерить, в нас верить надобно...

Пока крестьяне и казаки занимались разделением между собой военной добычи (креплёных вин, кружевного белья, лягушачьих лапок, шоколадных трюфелей и самоучителей любви по-французски), я с поручиком Бекетовым выступал перед старостами трёх близлежащих сёл с патриотической речью:

– Для начала предлагаю добровольно сдать все захваченные у неприятеля ружья, порох и боевые припасы. И неча на меня так смотреть! Знаю я вас: хлебом не корми, тока дай из-за околицы по проезжму из пушки пальнуть. А ну как то не французы будут, а, не дай бог, я?! Так что всё сдать от греха подальше! Ништо, с оглоблями перетопчетесь...

После долгих уговоров, взаимных упрёков и обид, битья шапкой о землю и клятв «да вот те крест!» нам нехотя вернули: два кремнёвых пистолета, один неисправный мушкет, три немецких штуцера, мортиру времён царя Иоанна и четыре полевых батареи в полном составе – от пыжей до банников. Думаю, ежели бы их ещё хорошенько потрясти, так мужички бы нам и канониров выложили...

– А с врагами Отечества поступать следует долженствующим образом, – внятно давал наставления я, делая паузы, дабы местный дьякон успевал записывать. – Примите их ласково! Ну там хлеб-соль, детишки в белом, девок покрасовитее вперёд выдвиньте. Нет таких?! Ну хоть приблизительно, в крайности сей самых нестрахолоудных толкайте! Да чтоб погрудастее, француз такое любит. Самогону не жалеть! Не смей жалеть самогонки для Родины!

Некоторые всплакнули, но воли барской ослушаться не смели, а посему я продолжал:

– Как напьются мусью до поросячьего визгу и убедитесь вы, что они точно заснули, – бросьтесь на оружие ихнее (обыкновенно кучей в углу избы или на улице поставленное...) и всей толпой свершите то, что Бог повелел! Кто сказал? В каком разрезе?! Нет, этого нельзя, это лишнее и вообще – грех содомский... Просто истребите их, тела закопайте в хлеву, за овином, на огороде или в других непроходимых местах. И не жалеите неприятеля – бейте обухом в висок, душите вожжами, топите в кринках с молоком! Граблями их, а то и вилами, пушай и бабы за серпы возьмутся – всё руку набьют...

Бекетов дёрнул меня за рукав, молча показывая, что кое-кого из малодушных уже тошнит. Не буду лгать, и мне самому бессмысленная жестокость душевно противна! Однако, когда

речь заходит об избавлении земли отеческой от саранчиных орд супостата, – нельзя медлить да раскланиваться...

– На место, где зарыли их, набросайте брёвен, навоза, хлама всякого. Добычу военную, как то: мундиры, ремни, каски и прочее – по избам не тырить! Другие горшки для ребятни подберёте. Всё надобно сжечь или закопать до лучших времён. Это правильнее будет, хозяйственное. Наполеон не вечен, а хорошее суконце всегда в цене... Случись неприятелю напасть внезапно – меня на помощь не звать! Забудьте, где и видели и слышали имя моё. Господь велит православным христианам не выдавать друг друга чадам антихриста, кои не щадят и храмы божии! Два раза предупреждать не буду, узнаю, кто на меня навёл, – и враз в Магадан по этапу, с песнями...

Старосты рассудительно кивали, искренне надеясь впредь никогда со мной не встречаться. Ну разве что один на один в тёмном переулке, когда я пьяный, а их десять и у каждого за пазухой кистень...

После сего, перевязав пленных, я определил к ним урядника с казаками и направил в Юхнов, для сдачи городскому начальству под расписку. Пущай их там кормят, у нас и своих дармоедов полно. Уходили из села с припевками, нагруженные плюшками, варёной картошкой и яйцами. Казаки всегда поют, когда в пути, а я, слушая их незамысловатые напевы, лишний раз поражался глубине и могучести нашего языка...

Увидал-то злой французик
Огонёк расейский,
Увидавши огонёчек,
Начал убегаги.
Мы французика нагнали,
Знамя отобрали.
Ой да горячий атаман,
Что ни Денис да то Васильевич...

Ох и не говорите, а вот есть, есть в народной песне какая-то щемлящая сердце простота, сродственная истинной поэзии и необъяснимой широте славянской души. Вот вроде бы и нет ничего, ан как заведут разноголосьем – плакать хочется... Я думал о высоком предназначении нашего народа, о его нравственном превосходстве над французами, ибо народ, слагающий такие умные и образные песни, – воистину непобедим!

Из парнасских витаний меня вывел вахмистр Иванов, тот ещё орешек, должен признать. Головорез и дебошир, несколько раз за пьянство и буянство (о, я рифмую!) разжалованный мною в рядовые и вновь пожалованный в чин за безоглядную храбрость.

– Денис Васильевич, а не опрокинуть ли нам по маленькой? Уж больно вечер сырой...

– Пить на войне?! – всем сердцем ужаснулся я. – Только для сугрева, а так и в рот не брать!

– Не без понятия, совесть имеем, – согласился он, на ходу наливая из кожаной фляги. Водка была палёная, но... а ля герр, ком а ля гер!

– Так за победу русского оружия?!

Гольная сивуха обожгла горло, гадостно булькнула в желудке, потом попыталась выплеснуться наружу через нос – я усилием воли затолкал её обратно, и... в жилах приятно потеплело! Первые четыре тоста я ещё помнил... Бог свидетель, могу даже перечислить:

– За императора Александра!

Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться.

И можем иногда, споткнувшись – как же быть, –
Твоё Величество об камень расшибить...

Вахмистр от души орал направляющую строку, а я цитировал вслед самого себя прямо по памяти и к месту.

– За гусар!

Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить ещё досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят...

Стихов-то у меня много, а уж сколько рифм и образов разворовали разные плагиаторы – перечислить страшно... Такое впечатление, что я сформировал основы поэтики российской на два столетия вперёд!

– За казаков!

Я стакан с широким дном
Осушу одним глотком
В славу воинства донского!

...Фляга гуляла по рукам. Либо мне пригрезилось, либо у каждого гусара в моём отряде оказалась такая же, а судя по тому, как быстро мы упоили казаков, – и не одна...

Дальше наступила ночь – во всех смыслах. Во-первых, стало темно, во-вторых, мы куда-то заехали, в-третьих, в глазах тоже было всё погашено, а в-четвёртых, мои воспоминания об этом дне крыты самым беспросветным мраком. Я вынужденно полагаюсь на свидетельства сотника Бугского полка Ситникова, коий не пил исключительно по причине возраста. Кроме того, он каждое утро делал шведскую гимнастику, обливался студёной водой и ел раздельную пищу, без соли. С чем почтенно дожил до шестидесяти двух в удручающей праведности и скуке...

С его слов дело было так.

Весёлой компанией, с шумом, частушками и анекдотами мы неизвестно зачем попёрлись в сторону Царёво-Займища. По пути докопались до ни в чём не повинных неприятельских фуражиров, спешно грузивших брикеты уворованного сена. Возможно, вся проблема в наших лошадях... Они решили, что французы отбирают у них законную пайку, и понесли! Равновесия ради мы размахивали руками, пиками, саблями, пистолетами, носовыми платками и испуганно ругались матом. При виде такого уморительного зрелища враг дрогнул и бросился наутёк, под прикрытие больших сил.

Остановиться и рассудочно взвесить обстановку мы не могли (после поллитры на голодный желудок где он, рассудок? Ау?!). Кони неслись за фуражирскими телегами так, словно их не кормили неделю. (Клевета! Практичная лошадь всегда найдёт чем подкрепиться в полевых условиях, если хозяин занят партизанствованием.)

В Царёво-Займище мирно спал усталый полк наполеоновской армии. Если мы кого спяну и разбудили, то просим – экскюзе муа! Мы же не варвары, нам, кстати, и самим спать хотелось... Французы выскакивали из жилищ в чём мама родила (большинство рождалось прямо в кальсонах) и, бросая оружие, сдавались с головой! Один лишь раз человек тридцать, припав на колено, встретили моих гусар дружным залпом. Однако же Господь милостив: парней так качало в сёдлах, что ни в одного не попали...

Местные мужики дружно вязали поражённого нашей удалью врага, а бабы, ловко останавливая коней на скаку, в одиночку разносили нас по горящим избам. Нет, пожара не было, это я так, для красного словца...

Наутро, страдая от жесточайшей головной боли, я направил начальнику Юхновского уезда сто девятнадцать рядовых, двух офицеров, десять провиантских фур и одну фуру с боеприпасами. Основная часть разбитого полка спаслась паническим бегством...

Пишу о сём событии не из гордыни, хотя подвиг русского духа и здесь имел место, а единственно с целью подтверждения делом заветов великого Суворова. «Удивил – победил!» – говаривал этот поразительнейший человек. В те дни и я сформировал главный принцип партизанского действия моих отрядов. «Сабля, водка, конь гусарский!» – всё прочее не есть существенно для победы. Хотя водку, по совести говоря, стоило поставить на первое место. Поскольку капризная Виктория была к нам столь замечательно расположена, то я и воспользовался сим удобным положением сверх меры. Что значит – отважно продолжил начатое!

* * *

Мы душевно отдыхали в Царёво-Займище целых четыре дня. На пятый жители приветливо вытолкали нас взащей, благословляя на освободительную войну. Ехать было лень, но что делать...

По дороге небритый Бедряга долго и нудно уговаривал меня рассказать о своей встрече с Суворовым. В конце концов я плюнул и согласился: хотя историйка была недлинная, однако же помогала коротать время в пути.

– Он приехал на полевые ученья, а так как в манёврах участвовал и полк моего отца, то мы с братом в рань несусветную уже толклись подле лагерных палаток. Около десяти часов утра всё зашумело и закричало: «Скачет, скачет!» В сей миг мы увидели Суворова, во ста саженьях от нас скачущего во всю прыть. Сердце моё упало! Я был весь восторг и внимание – мой кумир красовался на саврасом калмыцком коне, в белой рубашке, узком полотняном нижнем платье, сапогах вроде ботфорт и маленькой солдатской каске. Ему кричали: «Граф, что вы так несётесь?! Посмотрите, вот же дети Василия Денисовича».

«Где? Где они?» – Увидя нас, он поворотил в нашу сторону.

Мы подошли поближе. Поздоровавшись, он спросил наши имена, потом спрыгнул с седла и благословил каждого, протянув нам узкую руку, которую мы поцеловали.

«Любишь ли ты солдат, друг мой?» – с трудом отнимая у меня ладонь свою, спросил Александр Васильевич.

«Я люблю графа Суворова! – в масть ответил я со всем пылом детского упоения. – Ибо в нём всё – и солдаты, и победа, и слава!»

«О, бог помилуй, какой удалой! – воскликнул он. – Это будет военный человек. Я не умру, а он уже три сражения выиграет! А этот... – указав на моего брата, – пойдёт по гражданской службе».

После чего сел на лошадь, ударил её нагайкой и был таков...

– Волнительно, – признал вахмистр, и все слушатели трогательно вздохнули. – И что, сбывлись слова самого фельдмаршала?

– А то! – важно хмыкнул я. – Горя желанием сей же миг исполнить пророчество, я забросил псалтырь, стащил отцовскую саблю, выколочил глаз своему дворовому дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост дворовой собаке! Все трое с позором бежали, а значит, я и впрямь выиграл три сражения. Увы, папенька этого не оценил, обращая меня к миру и учению посредством розги.

– А ваш брат?

– Геройски служит в действующей армии, украшен шрамами и наградами. Великий полководец не был великим пророком, но именно он научил меня... Эй! Позвольте, куда это мы, собственно, направляемся?!

– Так мы думали – вы знаете... – безмятежно откликнулся арьергард моего отряда.

Коварный Бедряга вовремя отстал, и определяться с планом сегодняшних мероприятий мне пришлось исключительно самому.

Сверившись с картой, я убедил себя и остальных, что нахожусь в непосредственной близости села Андреевского. В засаде у коего мы оккупировали большую дорогу, дружно и ревностно вылавливая очень одиноких французов. Должен признать, что удача сопутствует храбрым: при её благоволении за один только вечер насобирали аж тридцать штук солдат неприятеля. Все нетрезвые! У меня просто сердце разрывалось от возмущения – вид французского фуражира, до ушей налитого русской водкой, был неопрятен и непатриотичен. Казаки с завистью вязали пленных в ароматные букеты, дабы завтрашним утром сдать под запись в тот же многотрадальный Юхнов...

Почему многотрадальный, вы поймёте, когда терпеливо подсчитаете общее количество пленённых солдат противника. И всех их надо было как-то обустроить, поить, кормить, давать им крышу над головой, дабы соответствовать общепринятым правилам милосердия по законам военного времени.

Вот в тот самый вечер и произошло первое из удивительной цепи таинственных и мистических событий, из-за которых я не мог показать дневник сей даже самым близким друзьям. Пушкин бы только хохотал, как полковая лошадь, а Жуковский, ещё чего доброго, стянул бы историйку-другую для своих хвалёных баллад...

На столбовой Смоленской дороге, близ села Фёдоровского, мы ненароком натолкнулись на колонну наших военнопленных числом не менее двухсот. Французское же прикрытие составляло штыков пятьдесят, как вы понимаете, силы более чем не равны. Но, прежде чем мы развернули коней, имитируя боевой порядок (с тайной целью ложным отступлением растянуть войска противника, измотать долгим переходом и сбегать, показав напоследок кукиш!), пленные русские солдаты безрассудно бросились на конвоиров и... чисто случайно поменялись с ними ролями.

Мы подоспели как раз вовремя, дабы взять операцию в свои руки и объявить, что отныне они вновь поступают на службу под моё чуткое руководство. К чести спасённых, скажу, что ни один не дерзнул отказаться и не покрыл своё имя позорным прозвищем дезертира! Наоборот, радостно поделив меж собой личные вещи французов, бодро пошли они вперёд всё тем же составом, под конвоем моих казаков и гусаров.

Первоначально я планировал вернуться к Скугореву и традиционно заночевать в тамошних лесах. Но заботливый Бекетов напомнил, что лесник уже дважды приходил ругаться по поводу «стратегически оставленных костров» и даже грозил сделать мне нечто бесцензурное. Другой бы растерялся и впал в уныние, но не я!

Пораскинув мозгами, приказал я товарищам своим жечь огни прямо здесь, на дороге, а пока неприятель будет думать, что мы рехнулись, полки наши покойно отдохнут в самом Фёдоровском. Там, дай бог памяти, не меньше двух дюжин изб, как-нибудь да разместимся. Триста тридцать человек (плюс пленные) – в тесноте, да не в обиде! А ежели хозяев что и не устраивает, так они любезно поспят на крылечке, а то и в собачьих будках. Зато забота о защитниках Отечества будет проявлена жителями сполна...

Как русский офицер и командир я не мог позволить себе завалиться на боковую, пока не уложены мои люди, коих приходилось от тридцати до пятидесяти душ на избу. Упихивая их в гостеприимные жилища, я несколько взопрел и сорвал голос, но с задачей справился. Искать ночлегу мне, подполковнику, было уже не с руки, и я почти смирился с мыслью о проведении

ночи на свежем воздухе, как конь мой решительно зашагал к очень одинокой избёнке, стоящей на отшибе. Я неоднократно убеждался, что чутьё никогда не подводит благородное животное.

Возможно, мне стоило бы обратить некоторое внимание на пару незначительных моментов. Но, увы, правильно оценить их значение мог бы лишь человек от сохи, деревенский знахарь или повивальный дед. Я со стыдом признаюсь в собственном невежестве, но откуда же боевому офицеру знать, о чём говорят два собачьих черепа на балясине, вороньи перья у порога и козьи катышки равномерной россыпью по всему двору? Спрыгнув с коня, я привязал его к ветхому забору, и на звон шпор дубовая дверь отворилась. Из темноты сверкнули необычайно яркие глаза... две пары, одни выше, другие у самого порога.

– Пустите переночевать служилого человека!

– Ну заходи, молодец, коль пришёл. Ночлега небось с собой не возят... – ответствовал довольно приятный женский голос, и я шагнул внутрь. Из-под ног моих метнулся большущий чёрный кот. В избе топилась печь, пахло кислой овчиной, сухими травами и чем-то дурманно-женским. Не петербургскими духами, но всё-таки...

– Гой еси тебе, хозяйюшка! – Я честно попытался перейти на простонародный язык, дабы не быть вновь принятым за француза. – А и вот он я, детинушка, дворянский сын! Много в поле ежживал, много лесом хаживал. Поиззяб, подустал, истомился весь...

– Чем же ты занимался там, в лесу, детинушка? – как мне показалось, с неким недоверием спросила закутанная в невероятное тряпье баба. Затруднюсь определить её возраст, наверное, где-то между тридцатью и шестьюдесятью годами, да и важно ли?

– Да всё делами ратными-богатырскими! – снисходительно ответил я, грузно усаживаясь на лавку. – Что забавами да молодецкими – вострой сабелькой да помахивал, долгой пикой да посвёркивал, а что конь вороной под седлом да всё поигрывал!

– Есть-то хочешь, поди?

– Аки зверь алкающий! – обрадовался я.

Странная тётка полезла куда-то в угол и, водрузив на стол грязную тряпицу, извлекла из неё дивного облика пирог.

– Тока не обессудь, барин, – мяса нет. Пирожок с грибочками будет. Откушай, уж не побрезгуй!

– Гой еси, ты свет хозяйюшка... – Я храбро откусил побольше и, прожевав, понял – бабке с такими талантами цены нет! Ну, может, тесто чуточку подчерствело, зато начинка – выше всяких похвал. Пряная, пикантная, с лучком, чесночком да перчиком – мечта партизана! В один миг от пирога и крошек не осталось. – Ис-по-лать т-тебе, красна бабушка, – вежливо постучав себя кулаком в грудь, поклонился я. – Чем и благодарить за хлеб-соль, не ведаю. Расскажи ты мне своё имя-отчество да прими от молодца медный гривенник!

– Деньги мне без надобности, по-иному рассчитаемся, соколик...

– А с чем пирог-то был, с боровичками али груздочками? – зачем-то спросил я. Потом протёр глаза – бабка, кажется, двоилась.

– С мухоморами, родименький... – захихикала она.

– Да ты не отравить ли меня вздумала, старая?! – гневно выгнув бровь, возопил я, холодея животом и мысленно проклиная Багратиона за то, что не дал к отряду лекаря.

– И-и, что ты, солдатик! С моих грибочков-то небось вреда не будет, а только одно приятствие глазу да телу услада.

Я потянулся за верной кабардинской шашкой, но рукоять ожила, увёртываясь из рук моих, словно змея! Плюнув ей (шашке!) в бесстыжие глаза, я попробовал встать, да только сапоги мои причудливо слились друг с другом в звонком поцелуе, что вновь бросило меня на скамью.

– Ох, барин, барин... Куда спешишь, куда несёшься? – Таинственная хозяйка затушила лучину, и вся изба освещалась теперь лишь красным пламенем печи.

– Да ты – ведьма!

– А хоть бы и так... Разве ж не вкусны мои пироги с мухоморами? Разве ж плохо тебе здесь в тепле? Разве ж не хороша я собой, а?!

Батюшки светы! Мать честная! Государь мой Александр Первый! Старуха мигом скинула всё тряпьё, представ взорам моим абсолютно нагой. Да и не бабка то была вовсе, а молоденькая, крепенькая девица годов осмнадцати-двадцати! Я и опомниться не успел, как остались на мне одни сапоги со шпорами да нательный крест... О том, что далее было, – писать не могу, по причине врождённой стыдливости и присущего мне целомудрия. Однако же...

– Вот и пробил час – плати по счетам, что ли!

Я каюсь, я – гусар... везде, всегда – гусар! Всё естество моё, воспрянув всем пылом молодости, рвалось к не ведающей греха красотке, подобно донскому жеребцу, почуявшему по весне некрытую кобылку. Только-только успел я закрутить усы, как всепожирающее пламя страсти бросило нас в объятия друг друга! А потом на стол... на скамью... на овчины... на горячую печь, на...

Эх, да разве упомнишь всё! Казалось, сами шпоры мои и те упоительно звенели от наслаждения, а голова кружилась, как от ведра шампанского. Но поверите ли вы, братцы мои, тому, что было дальше... Не знаю уж, когда и как оказался я в тылу прелестницы моей, проводя предстоящую наступлению линию со всем жаром и основательностью. И хотя в голове моей громыхали цветные радуги, я только-только начал пристраиваться к нашему обоюдному удовлетворению, как в этот момент девица стала разительно меняться.

Один миг только взвизгнула она по-пороссячи, и я увидел вдруг в руках своих целую свинью! Другой бы тут и пал, сражённый ужасом, но... не русский офицер! Не поведя и усом, я лишь усилил крепость объятий и удвоил напор.

Ведьма захохотала, как лошадь, и вот уже целый кобылий круп с задраным хвостом стал предо мной! «Сколь же много общего меж лошадью и женщиной...» – мечтательно признал я, решительно не желая отступить, а лишь чуть помедлив с поцелуем.

Но тут она зарычала, ровно медведица, раненная навывлет, и поворотилась вновь, свирепо повернув ко мне оскаленную звериную морду. Такого не мог бы снести человек штатский, малодушный и не готовый всечасно к встрече любой опасности. А я лишь крепче запустил пальцы свои в медвежью шерсть, взглянул в глаза и сказал нечто ласковое, не позволяя хищнице удрать.

Во что только не оборачивалась горячая соблазнительница моя... В колоду с пчёлами, в полосатую тигрицу, в большой скворечник, в цыганскую гитару, в рыбу севрюгу, в того же чёрного кота и даже в толстого Митю Бекетова – всё зря! Поэт-партизан не смел осрамить гусарской славы! И вот, глухо застонав, стала она вновь распрекрасной девицей, подняла на меня полные благодарности глаза и сказала:

– Спасибо тебе сердечное, Денис Васильевич! Спас ты меня от мук адовых, на кои обрекла сиротинушку злая колдунья. И ходить бы мне в облике старушечьем до той поры, пока не сыщется добрый барин, что пирога с мухоморами откусает да всех моих личин не испугается! За то поклон тебе до земли и слава, слава, слава... Виват Ахтырскому полку-у!!!

Крепость пала... Наутро меня разбудили казаки. Они же и одели соответственно званию, собирая мои разбросанные вещи по всем углам чёрной избушки. Спасённой девушки нигде видно не было, а в запасах моих не сыскалось ни одной монетки.

Уезжали из Фёдоровского второпях, долг Отчизне звал тем громче, чем яростнее нас провожали. И по сей день я не ведаю, как сложилась судьба той пылкой прелестницы, пустившей меня на ночлег. Лищу себя надеждой, что поутру она побежала на базар, дабы купить на мои деньги яиц да ветчинки и побаловать завтраком одинокого гусара...

О событии сём не рассказывал никому. Пирогов с грибами – впредь не ем! Но, чу?! Слышен стук копыт, теньканье шпор, величавые казачьи песни, и мой отряд вновь отправлялся бить французов. Кто бы поверил, а?..

* * *

В Юхнове по сдаче пленных под расписку встретился мне некий майор Храповицкий Волынского уланского полку, огорошив страшным известием – Москва пала! И хотя все мы в принципе ожидали чего-то в этом роде, тем не менее весть сия не могла не потрясти любую русскую душу.

Более того, сказать правду, так я и мои товарищи при этих словах серьёзно призадумались. Те, кто был благородного происхождения и владел французским, ещё могли надеяться на какую-то работу у оккупационных властей, но куда податься остальным?! Москва взята, регулярная армия чёрт-те где, а мы только и делаем, что укомплектовываем французами Юхнов. Да при таких темпах их там скоро будет в два раза больше, чем коренных жителей!

Посоветовавшись с офицерами моими, мы почти уже приняли «горькое, но честное решение», как болтун Храповицкий начал расписывать дальнейшие планы светлейшего. Дескать, армия не разбита и продолжает движение своё для заслонения Калужской дороги. Москва, гори она синим пламенем, ещё не вся Россия, и слава богу! Государь не помышляет о мире, а с Дона идут свежие войска, и даже далёкая Астрахань выставила аж десять казаков с подотчётным им полком калмыков.

Прикинув то-сё, я затрепетал от радости и предсказал всем скорейшее избавление Отечества, если Наполеон, удовлетворившись Москвой, плюнет и забудет армию нашу под Калугой. Манёвр светлейшего Михаила Илларионовича был совершенно превосходен, хотя и абсолютно невнятен с точки зрения партикулярной стратегии. Сидеть и ждать в тепле и уюте, покуда неприятелю надоест горелая Москва, а все выходы из города будут аккуратнейшим образом перекрыты. Согласитесь, некий резон есть...

Тем же вечером, укрепив отряд свой двумя казачьими полками (единственной защитой Юхновской губернии), я двинулся на Знаменское. Кстати, майору Храповицкому тоже пришлось пилить с нами. Пусть на своей шкуре почувствует всю прелесть партизанской жизни, а бегать по помещичьим усадьбам ради доклада: «Москва горит!» – много ума не надо...

До сего времени все предприятия мои были направлены между Вязьмой и Гжатью. Успех их пробудил деятельность дремотного французского губернатора. Этот лягушатник возымел неслыханную наглость собрать большой отряд из двух тысяч солдат и предписать оному дерзновенно очистить от набегов моих всю округу. Был официально объявлен сезон «охоты на гусара»! Неэтичность и бестактность сего поступка буквально поставила нас в тупик, развенчивая миф о хорошем воспитании Европы. Мало им падения Москвы, мало разорённых деревень, мало отсутствия русской армии, они ещё хотят взять и наказать скромного гусарского подполковника за совершеннейшие невинные шалости! Сия неучтивость глубоко и больно нас обидела...

Бедряга, Бекетов и Макаров утешали меня, как могли, но что они могли в полевых условиях?! Водка кончилась, сухари приелись, когда был в бане – не помню, рестораций в обозримом пространстве нет, пойти по бабам – мужики не так поймут и отметелят...

– Ну, тогда, может, возьмём шампанского и к цыганам? – неуверенно предложил всё тот же Бедряга, и я посмотрел на вахмистра, как на чирей на поясище:

– Мон шер, ну откуда, к лешему, в лесу под Вязьмой окажутся цыгане? Или прикажете донских казаков в юбки переодевать... Так ведь не согласятся, черти!

– А мы их спрашивать будем! – сурово набычился Бекетов.

Я на мгновение припомнил странную историю с грибным пирогом и отрицательно помотал головой:

– Нет, надо избрать твёрдую линию поведения ввиду близкого расположения неприятеля. Предлагаю три позиции. Мы расходимся по домам и возвращаемся только тогда, когда французам надоест нас искать.

– Недурственно, – признали офицеры мои, хихикая и представляя наполеоновских солдат, аukaющих в пустом лесу, где нас уже нет, а злой лесник – есть.

– Второе, мы движемся впереди противника, изматывая его долгими переходами по труднопроходимым местам. Когда французы устанут и промочат ноги, заразить их всех эпидемией гриппа и ждать в уголке, пока сами передохнут.

– Верно, а всем нашим марлевые повязки на нос! – значимо кивнув, поддержал Макаров. (Поручик славился тем, что его троюродный брат был коротко знаком с лекарем самого Раевского.)

– Или вот ещё, скрыться за сеновалом, а к губернатору подослать, вон... хотя бы Храповицкого! Пусть майор переоденется мужиком и подобно Сусанину заведёт неприятеля в столь густую чащобу, что тот там и сгинет. За сей подвиг мы примерно похлопочем пред государем и передадим родственникам героя «Аннушку» на шею...

– Знаешь, куда себе эту «Аннушку» засунь... добрый Денис Васильевич, – почему-то обиделся эгоистичный улан.

– Экий ты горячий, – примиряюще улыбнулся я. – Да никто не просит тебя и смерть сусанинскую принимать, заблудил французов – и домой! В смысле, то есть... я хотел сказать...

– Сам с французами блуди! – взвился недослушавший Храповицкий. – И ежели мне тут, сей же момент, не принесут извинения по всей форме – немедля стреляться!

– Негоже офицерам русским в тяжёлый для Родины час дуэли чести устраивать, – нравоучительно заявил я, ловко треснув его кулаком в ухо. – В партизанской войне должно принимать обычаи и ухватки простонародные. А вот выходи на кулачки!

– Смилуйтесь, господа! – взвыл бедный Бедряга, впихиваясь меж нами. – Да полно вам, поцелуйтесь и забудьте! Ну так поедemте же к цыганам?!

– К каким цыганам, чёрт тебя дерит?! – на два голоса взревели мы с майором, всё ещё держа друг друга за грудки.

– Да ясно – к каким, вон же табор за селом! Там и огни, и кибитки стоят, а где цыгане, там гитары, самогон и пляски до утра. Поехали, а?!

Всё ещё дуясь и мстительно показывая мне средний палец, Храповицкий (отходчивая душа!) плюнул и согласился. Всем кагалом мы – казаки, гусары, добровольцы и те, кого не спрашивали, – уверенным маршем двинулись в обход села Знаменского, туда, где в сиреновой дымке горели высокие костры и слышались знакомые до боли звуки цыганской скрипки. Бедряга не соврал, в пойме реки действительно разбил стан большущий табор. Мало не пятьдесят кибиток широким полукругом охватывали заливной луг. Чуть поодаль паслись стреноженные кони, над огнём уже ароматно дымились котлы, и гостеприимные ромалы, обливаясь слезами радости, приняли нашу партию. Мои молодцы, памятуя строжайший приказ, и капли спиртного в рот не брали, но съели весь суп и овощи, взамен щедро угостив босоногих цыганят орешками. А уж после ужина и пошло настоящее веселье! Эх, слышали бы вы, с каким чувством поют цыгане на голодный желудок...

Две гитары, зазвенев, жалобно заны-ы-ы-ли...

Суровые донцы плакали как дети. Что ни говорите, а есть, есть нечто в заунывной цыганской песне на незнакомом языке, под рыдающий стон струн, надрывающий всякую истинно

русскую душу! Кони задумчиво качали умными мордами, звенели призывно удила, от костра искры летели вверх, неудержимо пытаюсь докоснуться холодной луны.

Романтизм разливался в ночном воздухе, супротивоборствуя духу высокого патриотизма. Даже мне, на миг единый, привиделись жгучие карие глаза недоступной мечты моей, что осталась в далёком Петербурге, равнодушная ко всем устремлениям моим и сердечным порывам... Где ты сейчас, о жестокая рыжекудрая Калипсо?! Верно уж не в глуши у тётушки в Саратове, но ведь и не в Ницце, ибо вся Европа захвачена, растоптана и унижена этим мелким, толстым, наглым, самодовольным корсиканцем!

Видно, гнев от мыслей сих отразился и на лице моём, так как ромалы почли это знаком более не ныть и грянули плясовую! Увы... к глубокому горю нашему, оказалось, что если голодные цыгане проникновенно поют, то пляшут они – хуже некуда... Я ещё от мамы слышал, что именно мешает плохому танцору, но чтобы ТАК мешало – воочию видел впервые. Самогоном их подзаправить разве?.. Подлец Бедряга, наобещавший шампанского и девок, смылся в неизвестном направлении. Макаров с Талалаевым пошарили там-сям, но симпатичные юные цыганочки с монистами на смуглой груди словно сквозь землю провалились. Казаки за шиворот притащили пяток беззубых бабок, так в результате те же старухи и обчистили моих молодцов своими «позолоти ручку, красавец, всю правду тебе поведаю – что было, что будет, чем сердце успокоится...». Я уж было подумывал гнать плетью обманщиц и разрешить-таки по стопочке, как...

– Французы! – В лагерь с воплями влетел облепленный куриными перьями Бедряга. – Французы, ваше благородие!

– Прекратите визг, вахмистр, – презрительно скривился я, – встаньте по форме, заправьте штаны, утрите слюни и доложите обстановку.

Бедряга устыдился, выровнял дыхание, сделав несколько гимнастических упражнений и ровненько, даже с некоторой ленцой, поведал нам совершеннейшее кошмарное известие куда хуже падения Москвы:

– Уважаемый Денис Васильевич и вы, господа! Низайше прошу прощения, если отвлекаю от заслуженного отдыха и оплаченного концерта... Мне, право, очень неудобно, и я нахожу проступок сей отнюдь не товарищеским. Однако же если вы спросите меня о причинах, из-за которых, но ах... довольно пустопорожних слов – у нас в тылу французский отряд числом не менее тысячи сабель! Они буквально за поворотом и будут здесь с минуты на...

– Идиот! – взорвался я. – Ты что, раньше сказать не мог?! Разводит тут китайские церемонии, когда неприятель на хвосте!

– Ещё раз прошу прощения, господа... – проникновенно поклонился верный вахмистр и величаво перекрестился. – Не поминайте лихом, и я вас не помяну...

– Я те не помяну... Тьфу! Я те помяну... опять тьфу! – окончательно запутался я, но, несмотря на мгновенно окостеневший язык, мозг мой работал чётко, как никогда. Под укоризненными взглядами офицеров моих я повинулся перед Бедрягой, обняв одного прилюдно: – Прости, братец! Сам вижу, кругом виноват, а на тебя накричал несправедливо. Слушать меня всем! Велика Россия, да не про нас... Будем бить врага малым числом, суворовской смекалкой, военной хитростью и прочими прелестями. Майор Храповицкий! Забирайте всех солдат и тихо, как мыши, отступайте двумя колоннами за Покровское – через полчаса ударите врага с флангов! Талалаев! Уводи казаков, дашь крюк по лесу и через полчаса выйдешь французам в тыл! Я с гусарами останусь здесь, дабы завлечь и расслабить бонапартистов. В оговорённый час всем быть к месту! Вперёд, молодцы! Обо мне не думайте, придёте вовремя – не дадите пропасть...

Когда французские разведчики верхами выехали на опушку, их взорам открылось умопомрачающее в своей приятности зрелище. Несколько мужчин-цыган, даваясь от смеха, изо всех сил пытаются взять себя в руки, дабы сбавить на гитарах нечто вроде: «Эх, загулял, загулял,

загулял, парнишка молодо-о-ой...» С полсотни голопузых цыганят заливаются, как жеребята, катаясь вокруг костров в веселии необъяснимом. А посередь луга стоит стройный женский хор из семидесяти цыганок – рослых, широкоплечих, с волосатыми руками и лицами, до самых глаз замотанными цветастыми шальями...

К нам приехал наш любимый
Французский губернатор да-а-а-рагой!

Если губернатор там и был (в чём у меня по сей день крупные сомнения), то скучать ему не пришлось. Мы только вытаращили глаза, глядя, как толпы неприятеля с улыбками и ободряющим свистом рассаживались напротив нас, словно в театре. Парни мои замерли, смущённо теребя юбки, но я ободрил их грозным фальцетом:

– Всем плясать, ведьмово отродье! А не то завтра же Кутузову рапорт отправлю! У него глаз – ух! Сами знаете, непокорных за версту под землёй видит...

Ахтырские гусары начали нехотя. Более того, первую «цыганочку с выходом» мы бездарнейше провалили, но усталые французы ничего не заметили. Наоборот, столь искренне обрадовались нежданному развлечению, что набросали кривоногому Бедряге полный подол мелких серебряных монет. Прикинув рублёвый курс в современном пересчёте, даже самый ленивый сообразил бы, что игра стоит свеч! Только бы казаки с солдатами не припёрлись раньше времени.

– Делим только на своих! Зажигай, чавелы!

Второй раз наш полк отличился на славу. Пыль летала столбом, на всём лужку не осталось ни одного незатоптанного одуванчика, и даже гоготавшие прежде цыгане тоже вошли во вкус. Благодарные зрители разразились бурными аплодисментами, щедро отсыпав нам премиальные, сам «губернатор» (или кто там был) пожертвовал аж золотой наполеондор! Нас упорно требовали на бис, я оглядел тяжело дышавших товарищей и скорее попросил, чем приказал:

– Не ради денег, не ради славы, не ради вина ихнего кислого – ради гордости великоросской... Не дадим спуску, родимые...

– Ай нэ-нэ! – поддержали французы.

Герои мои поправили сползшие груди ватные, потуже затянули платки с бахромой, закусили мониста и... Царица небесная, как они плясали! Струны лопались от восторга, цыгане давились слюной от зависти, неприятели сидели, как вши окопные, придавленные всей яростной мощью и красотой сего танца. Дивная в случайности своей помесь мазурки, барыни, цыганочки, камаринской, вальса и костромской кадрили с притопом разила наповал даже самого искушённого ценителя мощей Терпсихоры! В ту ночь захватчики впервые поняли своё полное ничтожество перед таким народом...

Французы ушли на рассвете. Полным боевым порядком, с трубами и знамёнами, стройными подтянутыми колоннами. Расслабленные, на отдохнувших лошадях. Ни казаки, ни солдаты так и не появились. Впрочем, первые с гиканьем и пиками обрушились на табор уже часа через полтора (после ухода бонапартистов). На вопрос «где их черти носили?!» Талалаев внятно ответить не мог, но пахло от него водкой и колбасой. Сильно подозреваю, что задержались они именно в Покровском, куда по чистой случайности и попрятались все молоденькие цыганки. Храповицкого искали дня три, а то и четыре. Как он ориентировался ночью, без компаса, в незнакомой местности, да ещё и умудрился заблудиться – одному Богу известно... Честно заработанную валюту поделили по совести. На пару марочного «Мадам Клико» вполне хватало, но это уже после войны, а пока...

* * *

Холодало... Осень в средней полосе – время противное и слякотное. «Дождливая пора, глаз – разочарованье...» – писал я в своих заметках, уделяя в те дни большое внимание основам стихосложения. Как-то, ещё в юность мою по Москве, дружа с некими вольнодумцами из Университетского пансиона, прочёл у них «Аониды», коллективный сборник стихов, издаваемый старцем Карамзиным. Тогда и подсел на это рифмоплётное дело, и даже отписал недурственный стишок о пастушке Лизе и потерянной овечке, кою эта странная девица любила с какой-то чрезмерно нежной и подозрительной страстью...

А уже служа в Белорусском гусарском полку, создал знаменитое «Призывание Бурцову на пунш», облетевшее в списках всю военную Россию. Ей-богу, сотни раз ловил своих предприимчивых сослуживцев, от руки переписывавших текст сей и указующих в началах имя того, кого жаждали видеть. Причём всякое лыко ставилось в строку вне зависимости от ритма, размера, да и просто здравого смысла. Кульнев, Орлов, Боткин, Беринг, Толстой и так далее – ещё ничего, но... Не буду утомлять читателя всеми нелепицами и конфузиями, скажу лишь, что самое памятное искажение стиха моего гласило:

Барклай-де-Толли, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!

Представьте, каково было тогдашнему главнокомандующему получить эдакую дулю и что бы он сделал с отправителем?! Однако ж всё кончилось хорошо – ходили слухи, будто бы шутка сия принадлежала душевнейшему Михаилу Илларионовичу князю Голенищеву-Кутузову и была с умилением воспринята государем. Барклай смолчал, но запомнил...

А меня опять уволили! За что, про что, с какого боку и где справедливость? Но, увы, такова судьба всех пиитов моей многострадальной родины. Традиция, чтоб её...

И хотя увольнение моё кому-то могло показаться благоволением капризной фортуны (ещё бы, из сонной Звенигородки в блистательную лейб-гвардию Петербурга!), но на деле годы службы у князя Багратиона были полны несусветной скуки и пустопорожнего теньканья шпорами. Чёрт, да там и выпить-то толком не с кем! Пётр Иванович, конечно, человек замечательный, я бы даже выразился, исключительный, но непьющий. А непьющий грузин – это более чем исключение... Это, знаете ли, уже извращение какое-то!

Но вернёмся к партизанству нашему... Особо интересных дел у нас в те поры не наблюдалось. Во-первых, как я уже упоминал, начинало холодать, а французы слякоть не жаловали и, проклиная наши благословенные дороги, предпочитали отсиживаться по сёлам, справедливо полагая, что когда я проголодаюсь, то и сам из лесу вылезу. Как видите, иногда неприятелю нельзя отказать в злобной предусмотрительности и коварной дальновидности.

Когда сухари подошли к исходу, а носки промокли окончательно, мы ретивым маршем двинулись в обход Никольского на окраину Юренева. По самым последним, трёхдневной давности, сведениям (ибо, сидя в лесу, свежих сведений не высидишь) именно в том селе уютно устроился польский пехотный полк, захвативший наших пленных. Говорят, русских солдат согнали в церковь, где им было тепло и сухо, а кормили их сердобольные крестьяне, что бросило сердца наши в ярый гнев от жёлтой зависти... Вольно ж сидеть в плену на всём готовеньком, в то время как истинные защитники Отечества мёрзнут, мокнут и почти приближены к голодному обмороку! Из всех продуктов осталось лишь мыло для мытья лошадей – невкусное, мы пробовали...

Полные решимости отбить у врага заключённых воинов, бригаде нашей пришлось разделиться. Шестидесяти человекам пехоты под командой всё того же Храповицкого было велено

бежать вприпрыжку по селу, палить из ружей и орать: «Ура! Наши в городе!» Казаки и часть конных улан, драгун, кирасир и прочих разных окружают церковь, выручая военнопленных, а также отрезая пути возможному отступлению противника. Я сам, с прежним отрядом моим, остался в резерве, прикрывая столбовую дорогу к Вязме и останавливая, конфискации ради, случайных грибников.

Распоряжение моё было исполнено успешно, хотя и не так удачно, как хотелось бы. Во-первых, французы почему-то не запаниковали... Даже наоборот, открыли довольно сильный, хотя и оплошный огонь из окон по улице. Герои Храповицкого отчаянно бегали взад-вперёд по селу, осыпаясь градом пуль, честно вопили, что-де «наши в городе!», но им никто не верил. Казаки тоже хлебнули лиха, нагайками выгоняя из церкви пригревшихся и размо-рённых после ужина пленников. Люди ворчали, огрызались и кое-где даже непозволительно шумели, в дерзновенно резкой форме высказываясь о всей нашей партизанщине.

Я же, видя бедственное положение солдат наших, приказал жечь избы с засевшим в них неприятелем. Ломать – не строить, минуты не прошло, как синим племенем запылало всё село! Несознательные крестьяне костерили нас на чём свет стоит... Французы меж тем, собравшись с силами, устоялись на месте плотным каре и, грозя ружейным огнём, принудили нас к отступлению. Мне и по сей день горько об этом вспоминать, но – увы! – правда дороже всего... На помощь противнику из-за леса спешно двигалось два батальона пехоты, а поскольку мы были отягчены упирающимися спасёнными, то не следовало и помышлять об открытом противлении.

Подобрав раненых, я повёл отряд на Покровское и был воистину вознаграждён за смирение, ибо заметил у села артиллерийский парк практически без охраны! Налетев всем кагалом, мы овладели оным без малейшего сопротивления, взяв двадцать четыре пушечных палубы и аж сто сорок четыре вола для их перевозки, не считая канониров и фурманщиков. Грозный итог сражений в Юренева составил: тридцать пять погибших с моей стороны, сто пятьдесят пленных французов и полсотни наших.

Что делать – а ля герр, ком а ля герр... О потерях со стороны неприятеля наверное сказать не могу, но убеждён, что они были вдвое, втрое, нет – впятеро более ужасны!

Едва расположась в Покровском, известился я, что новый транспорт пленных россиян, числом в четыреста человек, остановился неподалёку. Быв уже раз наказан за отвагу штурмовать селение, занятое пехотой, я отрядил вперёд урядника Крючкова с шестью отборными казаками. Им надлежало выехать навстречу и пистолетными выстрелами отпугнуть охрану транспорта, дабы валили отсюда подальше и дали же наконец отдохнуть. И предприятие сие увенчалось совершеннейшим успехом! Заслыша выстрелы и видя донцов с пиками на лошадях, пленённые воины российские дружно восстали, вследствие чего сто шестьдесят шесть человек и четыре офицера были мгновенно обезоружены!

С сей добычей я окончательно обосновался в Покровском, отужинал чем бог послал и, не дожидаясь утреннего визита мстительных погорельцев Юренева, в ночь двинулся на Городище. Где уже и отдышался, наказав вахмистрам Скрыпке и Колядке подготовить сопровождение для доставки связанных французов в Юхнов. Сам я с некоторых пор избегал появляться в губернском центре лично, да вы понимаете почему...

Доселе рассказы мои касались примеров исключительного героизма народа российского, однако же не всё в нашей партизанской жизни было мазано мёдом. Кое-что было мазано прямо противоположным... С горечью в душе и мерзостью в желудке вынужден признать наличие подлых изменников царю и Отечеству. В нашей округе их было немного...

– Всё дворовые люди майора Семёна Вишнева, строгий был барин, однако, – степенно докладывал мне староста Городищева. – Старых порядков, ещё императора Павла, царствие ему небесное, помнил!

– Не отвлекайтесь, вы про изменников нам поподробнее, – дай бог не в третий раз напомнил я. Беседа с крестьянами всегда чрезмерно утомительна, особенно после тяжёлой ночи (до третьих петухов резались в карты и хлестали какую-то мутную дрянь, раздобытую всё тем же Бедрягой).

– Так они, злодеи, господина своего жизни лишили, а сами французу поганому служить подались и крест на том целовали. Уж ты, батюшка Денис Васильевич, яви такую монаршую справедливость – накажи негодников примерно!

– Вы говорите с кадровым офицером! Как подполковник и патриот, разумеется, я...

– А то уж больно опасные они. Поручика Иванова убили почём зря!

– Но вообще-то дела сии скорее относятся к уголовным, чем...

– Церковь под Знаменским разграбили!

– ...к военным, а следовательно, подлежат разбору...

– Прах помещицы Збыкиной из гроба вырыть не устыдились!

– ...полицейского ведомства, куда нам вмешиваться...

– Дома богатых поселян неприятелю указывали!

– ...не позволяет разумная субординация, ибо...

– По казакам твоим стреляли!

– ...сие было бы прямым нарушением государственных полномочий...

– По казакам твоим стреляли!!

– ...вот ежели бы они умыслили что греховное против моих молодцов...

– По ка-за-кам тво-им стре-ля-ли-и-и!!! – уже на последнем нерве, срываясь на визг неприличествующего звучания, доорался-таки настырный мужик, подпрыгивая на месте.

Я затравленно огляделся, но, увы, офицеры мои безмолвствовали, а старый сотник Ситников едва не заплакал от горя, живо представляя, как кто-то мог злодейски стрелять из-за кустов по его милым казакам... Я понял, что от меня ждут жёсткого, но справедливого решения. И хотя сердце моё противилось жандармскому произволу, но рассудок повелевал изловить мерзавцев, дабы примерно покарать со всей строгостью военного времени. Так и было поступлено...

Правда, ловили мы их долго. Хитрецы трусливо тёрлись вблизи расположения французских войск, что существенно затрудняло поимку. Поднимать в атаку все отряды ради отбития двух-трёх тихих изменников представлялось тактически не обоснованным. Не этого от меня ждали Родина, Багратион, Кутузов и, в конце концов, государь Александр...

Однако терпенье и труд всё перетрут. В должный день и час один из негодяев попал таки в лапы моих казаков. Наутро велено было согнать всех жителей близлежащих деревень, дабы показательным расстрелом вбить в головы зрителей уважение и память. Приговорённого вывели в чистой рубахе, священник отпевал его... живого! После чего взвод наставил ружья, и грянул залп... холостыми. Нет, ну в самом деле, у меня гусары, а не расстрельная команда. Ни один из моих молодцов, даже под угрозой каторги, не согласился бы участвовать в столь позорном деянии. Бледного и подмоченного (пардон за натурализм!) злодея отвязали от столба и, дав пару затрещин, пустили бежать в чисто поле... Быть может, я и нарушил все мыслимые реестры и партикулярные правила, но пусть несчастный понесёт божью кару, а Денис Давыдов не замазает рук своих убийством безоружного.

– Вот как, братцы мои, карают богоотступников, изменников Отечества и ослушников начальству! Кто ещё хочет влажными портками по пыльной дороге мельтешить?! Ведомо ли вам, что войско может удалиться на время, но государь, православный царь наш, знает, где зло творится? Наполеон далеко, а мы близко, и при малейшем беспорядке снова явимся и накажем всех! Всех, я говорю, и всякого, кто только... А ну признавайтесь, есть среди вас потенциальные предатели?! Ну, может, не прямо сейчас, а предатели в перспективе... есть?!

Мужики бдительно оглядели друг друга, что-то взвесили, прикинули, далеко ли успеют удрать, и после недолгого, но бурного обсуждения выдвинули нам шестерых лающих кандидатов. Дабы сразу расставить все точки над «и» и показать, кто в доме барин, я велел тут же на месте выдрать всех шестерых нагайками. После экзекуции поклонился народу, тепло попрощался с почёсывающимися «жертвами воспитательной политики армии» и отправился восвояси. Не очень далеко, всё в то же Городище, где известился печальственным событием – письмом о гибели благодетеля моего, князя Багратиона...

* * *

Великое горе моё не знало границ... Я прослужил пять лучших лет под началом этого святого человека. Воина – безграничной храбрости, мужчины – всех мыслимых добродетелей, необычайной высоты души, дружелюбия и редкой в наше время порядочности. Кто приучал меня к железной дисциплине, и распорядку дня, и физкультуре? Кто прикрывал своими генеральскими эполетами мои гусарские шалости? Кто личным примером безуспешно отворачивал меня от пьянства?! Не стыдясь суровых товарищей, я плакал как ребёнок... а потом сел на пенёк строить планы кровавой мести.

Первоначально даже хотел поубивать ВСЕХ французов, собственноручно задушить Наполеона, после чего победным маршем пройти до самого Парижа и спалить его дотла, к ёлкиной матери! Поверьте, во всём отряде не нашлось ни одного труса, который бы посмел мне возразить. Придавленные ужасным осознанием смерти бывшего начальника моего, все (воистину все!) горели гневным негодованием к неприятелю. «Постой, брат мусью!» – мрачно хмурили кустистые брови казаки и уланы, а пехотные солдаты, точа штыки, кусали ус, невнятно бормоча что-то о полковнике-хвате. Не обо мне ли? Бог весть... Я лишний раз умилился, глядя на соратников моих... И надо было именно в этот торжественный момент единения душ и священных порывов впереться дураку нарочному с несвоевременным докладом:

– Кажись, французы, ваше высокобродь!

– Оставь меня, Петренко, я в нирване...

– Дак не много же их вроде. Одна карета и охраны сабель пять, а то и шесть. Прямо в руки идут, а поперед них запах приятственный, ассамблейный – аж на версту фонтанирует... – мечтательно облизнулся казачок, беспардоннейшим образом игнорируя моё горе.

– Запах приятственный, говоришь? Духи французские, вот это что! Ну и кто ж мне тут в день траура лесной воздух парфюмерией пачкать вздумал?! – кровожадно оскалив зубы, взревел я. – А подать сюда этих ароматных французов, хоть бы там шла старая гвардия «ворчунов» в полном составе со своим ненаглядным императором, – мы им всем загнём салазки! И не держите меня-а-а!!!

Никто и не собирался... Гусары дружно шарахнулись в стороны, ибо вид мой в то роковое мгновение был воистину страшен. Глаза горят, трёхнедельная щетина – дыбом, усы – в струнку, немытая голова всклокочена, а с уст готовы сорваться самые ужасные богохульства:

– По ко-о-ням! Пленных не брать (Юхнов переполнен)! Противника не щадить! Их лошадям намылить холки! Карманы у трупов вывернуть!

– Но... это не по-офицерски, Денис Васильевич, – робко возразили из задних рядов.

– Я сказал, вывернуть, да-с! Но ничего не брать! Пусть так и валяются в грязи их паршивые деньги, ключи от квартир и батистовые платочки, – устыдившись минутного порыва, поправился я. – И хватит вопросов – Родина ждёт от нас дел, а не болтовни. За мной, орлы кривоклювые!

Вдохновлённая сей пламенной речью, конная часть моей бригады разом вскочила в сёдла и грозной лавой понеслась вершить святое дело. В смысле мести и освобождение земли российской от произвола наглых захватчиков. Ишь разъездились, как в своём занюханном Версале!

Мы мчались во весь опор, комья грязи летели из-под копыт, и холодное утреннее солнце вздрагивало в небесах в такт нашей бешеной скачке. Карету мы увидели сразу же, выскочив из-за леса на просёлочную дорогу. Подлые французы повели себя просто как последние трусы: поворотив скакунов своих, с заячьей прытью бросились они прочь! И не говорите мне потом, что у этих людей сохранились хоть какие-то понятия о чести, доблести и благородстве... Все шестеро постыдно бежали! Мой отряд, в пять сотен клинков, легко окружил брошенную карету и, выражаясь языком адмиралтейским, «взял оную на абордаж».

Кучер, или берейтор, бросил кнут, поднимая руки перед пиками казаков. Я, полный праведного гнева и присущей мне в пылу боя безрассудности, самолично распахнул дверцы и... замер пред пистолетным дулом, уставленным мне прямо в лоб!

– Ки э ля? И по какому праву врываетесь в мой экипаж?! – прозвучало на чистом французском. На меня смотрели гневные голубые глаза в обрамлении самых длинных на свете ресниц.

– Э-э... прошу прощения, ошибочка вышла... – невнятно залепетал я на языке мадам де Сталь, более сражённый несомненной красотой незнакомки, нежели грозным пистолетиком в её изящных ручках.

– Я спрашиваю, кто вы, неотёсанный мужлан?! – нервно морща тоненькие бровки, напомнила парижанка. (О, не сомневайтесь, как гусар и дворянин, я никогда не спутаю парижский акцент с орлеанским или тулузским.)

– Мадмуазель, не бойтесь меня! Жё партизан де ля рюсс, Дени Давидофф, к вашим услугам.

– Дени Давидофф?! – В её округлившись глазах мелькнул неподдельный ужас. – Вы тот, кого мои соотечественники называют Чёрным Дьяволом!

– Впервые слышу, но... вообще-то у нас часты перебои с горячей водой... – смущённо признал я.

– А все эти ужасные люди – ваша банда?

– Мадмуазель, вы незаслуженно обижаете самых достойных сынов России!

– Но если я вас застрелю, разве эти звероподобные казаки не поспешат совершить надо мной грубое насилие, привязав к телеге и день за днём удовлетворяя свою ненасытную похоть?! – мечтательно опустив ресницы, простонала незнакомка. А я в очередной раз удивился представлению цивилизованных европейских женщин о нас, простых русских людях...

– Конечно же нет! Максимум вас расстреляют как военную преступницу. Но, скорее всего, Макаров и Храповицкий доставят вас в Юхнов, а там найдут способ безболезненно вернуть на родину.

– Но... как же... а мне рассказывали...

– Увы, мадмуазель! Донские казаки предпочитают женщин в теле, а вас они просто обойдут вниманием как особу (с их точки зрения!) болезненную и бесполезную...

– Дикари! – Француженка возмущенно вздёрнула носик и опустила пистолет.

Аромат её духов действовал умопомрачающе даже на меня, чего уж тут было осуждать молодого парнишку с неиспорченным обонянием. Голубые глаза испытующим взглядом пробежали мои широкие плечи, крутую грудь, плоский живот наездника и сильные руки знающего мужчины... Чур меня! Я едва не забыл, ради чего остановил этот транспорт – ради благородной мести во имя светлой памяти князя Багратиона!

– Мадмуазель, в связи со сложившейся обстановкой вынужден сообщить вам...

– Ни слова больше, месье. – Восхитительно-небесным движением красавица вскинула тонкий пальчик, едва ли не касаясь моих губ. – Всё понятно без слов: законы войны суровы и я – ваша пленница. Ныне, присно и во веки веков!

– Аминь, – неуверенно подтвердил я и с печалью во взоре повернулся к своим, смущённо переходя на родную речь: – Братцы мои, не честь офицеру русскому поднимать руку на слабую

женщину. Даже в день тризны по любимому генералу! Есть предложение: невинную гражданку Франции отпустить восвояси, но карету отобрать и разграбить просто из принципа. Кто «за»?!

* * *

Согласились все. В истинно русском сердце нет места бессмысленной жестокости, никто из молодцов моих и не помыслил о причинении малейшего вреда всё ещё незнакомой парижанке. Кстати, действительно, почему до сих пор незнакомой? Подкрутив усы, я вновь обернулся к карете, дабы устранить сие досадное недоразумение:

– Мадмуазель, я переговорил со своими людьми. Вы вольны идти куда угодно, вас никто не обидит. Но прежде позвольте одинокому, холостому незарегистрированному гусарскому подполковнику узнать ваше...

– О, месье Давидофф! – страстно воскликнула француженка. – Моё имя Шарлотта де Блэр, я кузина и близкая подруга мадам де Фориньи, фрейлины королевы Жозефины. Их брак с императором распался, но у меня есть поручение деликатнейшего свойства... Конечно, Наполеон женат, но речь идёт хотя бы о подобии примирения двух венценосных особ. Франции не нужна Австрия, бывшая императрица пытается восстановить любовь и справедливость! Как мужчина и офицер, вы не сможете отказать мне в маленькой услуге...

– Я весь у ваших ног! – аристократично поклонился я, залихватски хлопая о колено ермолкой. – Чем могу быть полезен?

– Не позволяйте вашим благородным варварам отнять у меня карету и лошадей. А также драгоценности, деньги, личные вещи, – пустилась перечислять зарвавшаяся прелестница, но я был начеку – гусар всегда должен быть начеку с пленённым врагом, неезженной кобылой и красивой женщиной!

– Мадмуазель Шарлотта, вам нет нужды просить о чём-либо – мы не разбойники, мы – партизаны!

– Мм... и в чём же разница?

– О, уверяю вас, она весьма существенна, – туманно намекнул я, усаживаясь в карету и задёргивая занавесочку в оконце.

Казак уже вовсю потрошили багаж, и мне не хотелось, чтобы их неправильно поняли...

– Разбойники обобрали бы вас до ниточки, да ещё, не приведи господь, и убили бы в придачу! А мои молодцы всего лишь разбросают ваши вещи по дороге, и вы всё сможете подобрать на обратном пути.

– Вы... идиот? – подумав, предположила она.

– Я готов поставить охрану! Буквально полчаса назад мы клятвенно побожились не брать в руки ничего французского, так что всё, от капора до подвязок, будет в целостности и сохранности.

– Ваше высокоблагородие, – в дверцу деликатно постучал один из гусар, – разграбление закончено.

Мы с дамой одновременно высунули головы в окошко кареты. В осенней грязи романтично белели загадочные детали женского туалета, коробочки, мешочки, парфюмерия, расчёски, гребешки, домашние тапочки, большой горшок с ручкой (непонятного назначения) и много чего такого, что разом всколыхнуло во мне ностальгию по мирной жизни. Балы, красавицы, лакеи, кучера, и вальсы Шуберта, и хруст французской булки... Тьфу, чёрт! Ничего французского, запах кислых русских щей и ржаного хлеба, вот!

– Спасибо за службу, родимые! – от всей души рявкнул я, когда госпожа де Блэр без слов опрокинулась в обморок. Нагнувшись к ней, я задел шпорой нечто стеклянное, пошарив под скамеечкой, выудил объёмистый штоф, судя по наклейке – настоящий коньяк. – Благодарю за заботу, мадмуазель... Бедряга, лови! Велю причаститься по чайной ложечке всем, кто отличился в сегодняшнем набеге.

– Рады стараться, отец родной! – восторженно грянула моя команда. Я смахнул слезу умиления:

– А мне путь лежит напрямик во французский лагерь. Совершеннейше невозможно допустить, чтобы неопытная девица, русского языка не знающая, с местными обычаями незнакомая, от мужиков с вилами пудреницей отмахивалась. Так что сопроводить оную дамочку – наипервейший долг для любого гусара! Ну а ежели к вечеру не вернусь, уж не поминайте лихом и... и... Эй, вы куда?!

– Бог в помощь, Денис Васильевич! – проорал бодрый вахмистр, с бутылкой в руках уносясь на лихом коне.

Все прочие радостно бросились в погоню, и пару минут спустя на дороге остались лишь разворованная карета, всё ещё бессознательная парижанка, не верящий в избавление берейтор да неунывающий я...

– Ну чего застыл, пенёк бретонский?! Погоняй давай! Госпожа твоя в развальяистом недвижении пребывает, сейчас я ей головку в окно высуну – ветерком обовьёт, сразу полегчает.

– Как вы смеете, месье?! Не надо в моё окно... ничего высовывать! – слабым, но обеспокоенным голоском произнесла милая Шарлотта, после чего втянула меня внутрь, бросив кучеру: – Гони, Жак!

– Держитесь на Дорогобужской линии и часа через три-четыре выйдете на Монино – там ваши соотечественники дурью маются.

– В каком смысле?

– Меня ловят...

– Охота на партизана? – пошутила красавица.

– На гусара, мадмуазель! – вскинув бровь, поправил я.

– О-о-о, как это романтично звучит: «охота на гусара»! – облизнув губки, прошептала она. – Тогда, пожалуй, мне тоже... охота... Жак! Постарайтесь объезжать колдобины, и... нам надо быть в Монине часов через шесть. Не раньше! Вы компронэ муа?

– Уви, мадмуазель!

Берейтор щёлкнул бичом, отдохнувшие лошади резво взяли с места, и я плюхнулся на атласное сиденье прямо напротив моей обаятельной спутницы. Она задумчиво теребила волнительные кудряшки у виска, а на её розовой шейке играла синяя жилка, чудесным образом гармонируя с цветом глаз и вызывая в груди моей поэтические токи.

Первое время пути (минут пять – десять) мы романтически молчали. Каждый думал о своём, в частности я – о судьбе Родины! Это вообще излюбленная тема моих размышлений, но не в глобальном плане, а, так сказать, в детализированных моментах. Например... Как нам теперь жить без князя Багратиона? Настоящий ли французский коньяк был в бутылки или всё-таки подпольного польского разлива? Уговорит Кутузов Наполеона идти старой Смоленской дорогой, даже если корсиканцу интереснее посмотреть на новую? Выхлещет Бедряга весь алкоголь в одну глотку, или боевые товарищи успеют его догнать? Лучше бы успели, а то потом его пьяного бей не бей – подлецу всё по барабану!

О чём думала прелестная парижанка, судить не берусь, однако же должен признать, что глубокие мысли её чело не омрачали. Она шумно вздыхала, трепетала ресницами, теребила пальчиками поясok платья, гладила себя по бокам и плечам, нетерпеливо пристукивая каблучками. Но, что бы её ни тревожило, одно ясно как божий день: ей не в чем было упрекнуть русского партизана. Письма к императору остались нетронутыми, нательные драгоценности – при ней, шляпку не помяли, кучеру в рыло не насовали, а к кобылам ихним наши жеребцы и на нюх не подходили...

– Миль пардон, месье Давидофф. – Красавица неожиданно прервала цепь моих стратегических размышлений и, проведя ладонью по колену моему, спросила: – Вы верите ли в судьбу?

В незыблемую волю слепого Рока, в безысходную фатальность встреч, в необъяснимую предрасположенность событий...

– Мм... скорее всего, да! – почесав в бороде, признал я. – Вот, помнится, был каверзный случай: мерин на манеже понёс! А у меня настроение эдак слегка подшофе, ибо кто ж с утра не выпимши?! Ну и не удержался в седле... Как киданёт, зараза, крупом – я через весь манеж, аки ласточка небесная, да прямо на трёх полковых конюхов лбом! Одному руку сломало, другому ногу, у третьего по сей день глаз косит, а мне хоть бы хны! Судьба-а...

– Ах, месье, я не об этом! Хотя история ваша тоже не безнадёжна, вполне в духе господина Франсуа Рене Шатобриана, – капризно надула губки красотка. – Я же говорю о нас с вами! Ну не странно ли...

– Странно, ещё как странно! А что именно?!

– Не странно ли всё это?! Только представьте на мгновение: непроходимый лес, дикая страна, ужасные казаки, пальба, насилие, смерть и вдруг... вы! Мужчина, офицер, благородных кровей партизан!

– Продолжайте, продолжайте, – невольно заинтересовался я.

– Охотно, но давайте сначала выпьем!

– А разве что-нибудь ещё осталось?

– О, месье Давидофф, благовоспитанная девица всегда найдёт что выпить! – томно улыбнулась она и, двусмысленно высунув язычок, добавила: – Или отпить...

Я лихорадочно похлопал себя по карманам – ни шкалика, ни походной фляги, ни полуторалитрового штофа – стыдоба. Чего ж она отпивать-то будет?! Неприятно-с... Однако раз уж дама первой предложила, как гусару отказать – пусть сама наливает! Меж тем парижанка развернулась задом, махнув пышными юбками мне по носу и показав под сиденьем три большие зелёные бутылки.

– Моэт! Сухое игристое, настоящий холодный кипяток. – Карету подбросило на ухабе, и француженка кокетливо покачулась. – Ах, помогите же мне, так я могу сесть прямо вам на колени. А это будет... пикантно!

Я послушно поймал её за талию и, невзирая на сопротивление, аккуратно усадил на прежнее место. Она что-то буркнула про недогадливых русских медведей. Наверное, видела парочку где-нибудь в малиннике, по осени они достаточно добродушны...

– Увы, у меня всего один фужер.

– Никаких сложностей, мадмуазель, я готов пить шампанское вино из вашей туфельки! – галантно предложил я, с опаской косясь на её несвежие сапожки.

– Лучше прямо из бутылки, – милостиво улыбнулась пылкая девица, хлопнув пробкой в потолок. – Итак, за знакомство.

Я залихватски запрокинул голову, безоглядно вливая в глотку почти половину искрящегося напитка. О небо, что за ощущения! Такого сорта я ещё не пробовал! Словно тысячи холодных иголок вонзились в язык, пузырьки ударили в голову, а по всему телу пронеслась неведомая доселе волна восхитительного блаженства.

– Как вам?

– Кислятина... – честно признался я, но, дабы не обидеть даму, тут же допил и остальное. – За ваше здоровье, блистательная мадмуазель Шарлотта!

– О-ля-ля, а вы не слишком... так быстро пьёте?!

– Вы впервые в России, – правильно истолковав её опасения, хмыкнул я. – А мы здесь воспитаны на сорокаградусной водке, и свалить с ног гусарского подполковника слабеньким винцом французской провинции попросту невозможно, ик!

– Что с вами? Вам дурно?!

– Ничуть! Мне... ик! совершенно замечательно! Где тут у вас вторая бутылка? Я выпью её только ради вашего спокойствия, дабы лишний раз доказать, что я не пьян!

– Но... месье! Шампанское коварно, если вы не сдержите коней, у нас... ничего не получится. – Интимно подмигивая, она безуспешно пыталась отобрать у меня бутылку. Легче было вырвать кость у цепной собаки... Я со всевозможной нежностью отогнул её пальчики и прицельно пустил пробку в окно, метко сбив пролетающую сороку!

* * *

... Что было дальше – помню чётко, но отстранённо, словно всё происходило вовсе даже и не со мной. В голове играл полковой оркестр, особенно трудились литавры и фанфары! Я даже абсолютно точно улавливал мелодию – Себастиан Бах. Скерцо си-минор. Там ещё такой замечательный проигрыш на клавишных...

Шарлотта де Блэр всю дорогу чего-то старательно от меня добивалась, перейдя от трепетных полунамёков к весьма непрозрачным действиям. Прошу прощения, что вынужден говорить такое о даме, но её ручки буквально оконфузили меня, введя в совершеннейший тупик.

Во-первых, она зачем-то пыталась отнять у меня третью бутылку пузырящегося, некрепкого, но... занятого винца. Разумеется, я этого не позволил, так как она бы непременно спьянела, а гусары не любят пьяных женщин! В утешение мне пришлось дважды продекламировать ей моё последнее стихотворение: «Стукнем чашу с чашей дружно...» – на третьем повторе бедняжка сдалась и отстала. Возможно, я слишком активно жестикулировал и размахивал шашкой в ограниченном пространстве кареты...

Потом зачем-то попыталась стащить с меня армяк, а я сопротивлялся по причине полного нетерпения к щекотке. Далее голубоглазая недотрога взялась за мои штаны, но узел на верёвке, их удерживающей, затянулся – хоть топором руби! Топора под рукой не оказалось, а зубками она не смогла. Вот и всё их хвалёное парижское искусство... Обессиленная, красная от негодования, прелестница гневно свела брови и зарычала на меня ужасающе хриплым голосом:

– Несчастный глупец! Ты возбудил мою страсть, не дав ей удовлетворения, а отвергать любовь Шарлотты де Блэр не смеет ни один смертный!

– Ланфрен-ланфра, лан-та-ти-та... – едва ворочая языком, попытался пропеть я, надеясь, что родная песенка её успокоит, но увы...

– Ты умрёшь страшной смертью, русский гусар! – Голубые глаза красавицы вдруг стали совершенно чёрными, а лицо превратилось в жуткий оскал безобразной химеры Нотр-Дама. Ей-богу, я такую на картинках видел... На пальчиках её мгновенно вырисовались длиннющие когти, из рукавов зашипели змеи, а посиневшие губки продолжали изрыгать затейливые проклятия: – Ты мог бы стать моим рабом, послушной машиной моей извращённой воли, слугой моей великой миссии в вашей варварской стране! Удовлетворив меня, ты мог бы подняться под рукой моей до... Но нет, пьянь российская, тебе суждено утолить лишь мой голод!

Я почему-то решил, что сейчас она меня укусит, и инстинктивно показал даме кукиш. Она пошла пятнами, потом полосами, мелкой рябью и совсем уж было пустила дым из ушей, как вдруг карета встала.

– Кто вы такие и куда направляетесь?!

Вокруг зазвучала французская речь, и молодой офицер деликатно постучал в дверцу. Получается, мы уже прибыли, так, что ли? Вот ведь время пролетело! Я высунул кудрявую голову в окошко, где взору моему представились стройные неприятельские кавалеристы в зелёно-серых мундирах.

– Кто вы? – вновь повторили они.

Я нетрезво икнул и широко улыбнулся в ответ. Сказать хотелось многое, слова были, но язык лыка не вязал (образно выражаясь).

– Это русский партизан! Дени Давидов! Хватайте его, господа! – неожиданно громко завопила мадемуазель Шарлотта де Блэр, вновь прекрасная, как в первое мгновение нашего знакомства. – Он пытался надругаться над моей честью, а его разбойники раскидали по дороге все мои лифчики-и!!!

От таких воплей и несправедливых обвинений я практически оглох и даже перестал икать. Французы задумчиво выволокли меня из кареты, осмотрели, держа на весу, принялись, о чём-то пошептавшись меж собой, и дружно расхохотались.

– Месть отвергнутой женщины! – кое-как уразумел я, плюхаясь задом в придорожную грязь.

Негодующее квохтанье моей недолгой попутчицы постепенно таяло в скрипе колёс. Драгунский разъезд сопровождал маленькую карету в голубеющее на горизонте Монино.

Один из офицеров поворотил коня, подъехал ко мне и, безапелляционно отобрав кабардинскую пашку, меня же обозвал вором! Я чуть не разревелся от незаслуженной обиды... Устыдившись поступка своего, он сунул мне в руку яблоко и, похлопав по плечу, велел прийти в село, когда захочу опохмелиться. На французском, разумеется, видимо твёрдо веря в то, что каждый сиволапый мужик просто обязан отлично понимать иноземную речь победителей!

Глядя ему вслед, я дал себе слово непременно воспользоваться предложением и показать этим лягушатникам, кто они (так их разэдак через эдак!) есть с точки зрения русского офицера. Однако для этого надо бы сначала выбраться к своим... Ибо один я на такое не мог пойти из боязни лишиться своих боевых товарищей славы в деле возвращения мне отобранного имущества!

В изобретательном уме моём начинали уже складываться яркие полотна ужасающей мести наполеоновским захватчикам. Мало того что у меня отобрали боевое оружие, мало того что завезли невесту в какую даль и бросили одного, так они ещё и не поверили, что я – партизан! Знаменитый на всю округу Денис Давыдов! Краса и цвет русского гусарства, популярный поэт, неуловимый наездник и герой, проевший плешь местному французскому губернатору! А кроме того, ещё и...

– Да п-плюнь ты н-н них! – хрипло и душевно посоветовал кто-то сбоку от меня.

Я недоумённо выгнул левую бровь...

– Щего, собст...вино, уставился?

Слева, прямо посреди большой жёлтой лужи, лежал практически голый пузатый мужик в обнимку с узкогорлой греческой амфорой. Вокруг распространялся дивный запах алкоголя.

– Чё м...лчишь, богов ник...да не видел?!

Я отрицательно помотал головой. Язык по-прежнему не повиновался. Мужик возвёл глаза к небу, приложился к амфоре, отхлебнул, крякнул и снисходительно пояснил:

– Бахус! Древнегреческий, позднее римский, пантеон. Бог пьян-с-тва и... ррр...звлечений! Вспомнил, а?

Я стукнул себя по правому уху, потом по левому, потом зажмурился, попробовал ущипнуть за кончик носа – видение не исчезало...

– Лад...на, тока для тебя о-об...я...сняю н... пальцах. Я – Бахус, твой д-дед пр...сил помощ... мне не жалка!

Греческий бог ещё раз прихлебнул из сосуда и закашлялся. «Закусывать надо!» – с завистью подумал я.

– Да знаю, знаю... Маслин у вас н...нет, фиги н-не р...стут, фи-ни-ко-вы-е пальмы – т... же! Щем з...кусывать?!

«Как же тебя развезло, о-у-у...» – Вслух я, конечно, этого не сказал, но, видимо, Бахус отлично читал мои мысли. И зачем только дедушка подсунил мне пустоголового обрюзгшего пьяницу?!

– Ты н...на себя п...см...т...ри! – даже обиделся он. – А кто... ты от верной смерти с...
пс посредством трёх литров с...хого вина? Не я?!

Так вот в чём дело! А я-то уж перепугался, что спьянел так легко и незаметно для личной
сознательности. Ведь говорил же – русского гусара шампанским с ног не свалишь! Ну разве что
полной бутылкой и по голове сзади... А интересно, сам-то мужичок когда успел так набраться?

– Да-а уж... н...брался! Эт-то у нас в Гр...ции вино разбавляют во-д-дой, а тут – пф-
фе... – Бахус скорчил кислую рожу и раздражённо хлопнул ладонью по мутной воде. – Пр...
ходится пить вашу... эту... местную... водку, о! Гадость... но з...тягивает.

Ха, ещё бы! Судя по запаху, в амфоре находилась самая крутая деревенская самогонка.
Неудивительно, что непривычное к таким градусам божество как последняя чушка валяется
в луже...

– И вода такая х...лодная... а-а-пчхи! Пойду я... пока н-не пр...стыл ок...н...ч...ть...
но. А девке той впр...дь н-не п...падайся, второй раз я т...бя уже не спасу... Сам с усами!

– Ой, ой, ой! Спаситель тоже мне выискался, – неожиданно громко возопил я. –
Да если бы не ты, миф греческий, у меня, может, такой лямур нарисовался! Водку он нашу
ругает... Пузо подбери, дегустатор!

– В себе ли вы, Денис Васильевич?!

Со всех сторон раздался стук копыт, и спрыгнувшие на землю казаки в мгновение засло-
нили от меня пьяного собеседника. Хмель исчез из головы, словно ветром сдуло. Вокруг тол-
пились боевые товарищи мои, полные отваги и боязни за судьбу своего командира. До чего же
приятно было видеть их родные небритые физиономии, искренне озабоченные тем, куда
податься, ежели я, не дай бог, пропаду или загуляю. А вот Бахус куда-то пропал... Жаль,
я только-только вознамерился показать древнегреческую диковинку ребятам. Но, может быть,
прапрапрадедушка его ещё раз пришлёт? Посидели бы культурно...

А в тот момент вся команда моя, включая битого Бедрягу, толстого Бекетова, вечно недо-
вольного Храповицкого, верного Талалаева, услужливого Макарова и недавно прикомандиро-
ванного пылкого ротмистра Чеченского, размахивая клинками и горяча коней, гневно устре-
мила взоры свои к занятому неприятелем Мониному. Я сам (вот вам крест!) никого ни к чему
не принуждал! Просто... парни спросили – я ответил. Практически правду... Мадемуазель
проводил, с рук на руки сдал, ни с кем не ругался, а они навалились кучей и шашку кабар-
динскую отобрали. Это уже Бедряга начал орать, что я дрался как зверь, порубал половину
полка и свалился лишь от прямого попадания ядром в лоб! А иначе хрен бы какие францу-
зики сумели отнять именно оружие у русского офицера! Он вообще мастер сочинять: такое
батальное полотно завернул – у меня только слюнки текли от зависти. Лично я так складно
врать не умею, не тот талант...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.